

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СХОДНЫХ С НИМ КОНСТРУКЦИЙ

Тезисы

1. Поиски определения предложения как собственно языковой единицы, по своим формальным признакам, грамматической семантике и функциям отличающейся от любого другого соединения слов, в славистической традиции в последнее время идут по двум основным направлениям. Одни исследователи пытаются найти в предложении как собственно коммуникативной языковой единице только ему присущие признаки — формальные, семантические и функциональные — и на основе этих признаков определить предложение как языковую структуру, внутренне отличающуюся от всех других видов соединений слов (словосочетаний, синтагм и т. п.), не являющихся законченными единицами сообщения. Иными словами, ставится задача найти, какими собственными грамматическими категориями обладает предложение как самостоятельная единица языковой системы. Другие считают такой путь поисков бесперспективным, т. к. в определенных условиях общения („конситуациях“) и в соединении с соответствующей интонацией любая словоформа, так же, как и любое сочетание слов, может выполнять коммуникативную функцию; следовательно, с этой точки зрения, предложение лишено своих собственных формальных признаков и не может считаться категорией собственно грамматической: оно рассматривается как функциональная единица речи.

2. Отказ от поисков формальных и семантических (в плане грамматической семантики) признаков предложения, от определения его как синтаксической структуры, обладающей своими собственными грамматическими качествами, осуществляется не только в случае выведения его за пределы грамматики, в широкую сферу „речи“, т. е. в область законов собственно коммуникации. С таким отказом практические мы сталкиваемся и тогда, когда в результате применения определенной системы правил порождения и трансформаций предложение изображается как линейное сцепление словоформ; при таком подходе полностью снимается вопрос о тех специфических категориях, которые присущи только предложению и отличают его от всех других видов словесных соединений; анализ этих важнейших категорий, делающих предложение предложением, при таком подходе выводится за пределы синтаксиса — в морфологию.

3. В славистической литературе последних лет большой интерес представляют работы, авторы которых ставят перед собой задачу, оставаясь на строго грамматической почве, найти основные признаки тех минимальных языковых структур (простейших „формул предложения“), которые обладают собственными грамматическими признаками, отличающими их

как от отдельных словоформ, так и от не являющихся предложением соединений слов; соответственно ставится задача установить конечный список таких простейших структур. Наиболее последовательно это направление разрабатывается сейчас в трудах чешских синтаксистов, развивающих традиции школы В. Матезиуса (работы Фр. Данеша, М. Докулила, К. Гаузенблаза, И. Ружички, М. Грешля и др.).

4. В основу дальнейшего изложения положен тезис о том, что предложение обладает своими собственными грамматическими категориями и соответственно — формальными признаками, отличающими его как от слова, так и от сочетания слов; т. о., предложение рассматривается как самостоятельный объект грамматического изучения. Определение формальных признаков предложения должно подвести нас к установлению конечного списка его структурных схем („формул предложения“).

5. Строевыми элементами простого предложения служат облеченные в специальную интонацию отдельные словоформы — сами по себе или в тех или иных соединениях, а также — в некоторых случаях — частицы; строго определенными комбинациями этих элементов организуются абстрактные схемы предложения. Список таких схем является конечным. Для современного русского языка ограничение списка структурных схем предложения только построениями с *verbum finitum* и обязательная подстановка глагола как эллиптированной и незримо присутствующей словоформы во все безглагольные предложения не может считаться правомерной. Значимый нуль глагольного слова, выявляющийся в предложениях типа *Ночь или Брат учитель* из регулярного сопоставления с *Была ночь* или *Брат будет учитель*, не равен опущению или подразумеванию *есть*: это вещи внутренне глубоко различные.

6. При разграничении структурных схем (структурных основ) предложения должны быть приняты во внимание, во-первых, типы соединений тех его строевых элементов, которые достаточны для организации схемы; во-вторых, категориальная принадлежность словоформ, организующих структурную основу предложения; в-третьих, наличие служебных формантов (частиц, иногда — междометий) в тех случаях, когда они оказываются невычленимыми из состава структурной схемы предложения. Помимо собственно структурных схем предложения в языке существуют виды их регулярных реализаций. Факторами, определяющими разные реализации одной и той же структурной схемы предложения, являются, во-первых, полнота или неполнота схемы; во-вторых, характер связывания главных членов (для двусоставных предложений); в-третьих, наличие знаменательных слов, регулярно появляющихся при данной структурной схеме и или ограничивающих возможности ее наполнения или придающих всей конструкции определенную экспрессивную окраску. Так, например, регулярной реализацией двусоставной схемы со сказуемым — спрягаемой формой глагола являются бесподлежащие предложения (*Я иду | Иду*) и бесподлежащие предложения с экспрессивными частицами (*То-то пляшет! Эх и покатили!*); регулярной реализацией двусоставной схемы со сказуемым — координируемой формой имени являются предложения со связками (*Храбрость — следствие ума | Храбрость есть следствие ума | Храбрость — это следствие ума | Храбрость — это есть следствие ума* и т. д.). Т. о., структурная схема предложения существует как в своем

основном виде, так и в его регулярных реализациях. Иными словами, тот или иной вид регулярной реализации принадлежит структурной схеме предложения как ее формальный показатель.

7. Нормативные и описательные грамматики русского и других славянских языков обычно объединяют под понятием „предложение“ три совершенно различных круга явлений. Во-первых, сюда относят собственно структурные схемы простого предложения, т. е. существующие в языке отвлеченные образцы, которые, будучи наполнены конкретным лексическим материалом, могут функционировать как самостоятельные, не обусловленные контекстом или ситуацией единицы сообщения. Во-вторых, к сфере простого предложения оказываются отнесенными все те очень неоднородные построения, самое существование которых обусловлено ситуационно или позиционно, т. е. вхождением их в определенным образом организованный сложный синтаксический контекст. Это — вторые реплики диалогических единств, образующиеся по определенным правилам форманты сложных предложений, в периодической речи — контекстуально подготовленные компоненты так наз. сложных синтаксических единств. В-третьих, наконец, в описание простого предложения включаются устойчивые лексикализованные речения — закрепившиеся в языке в роли единиц сообщения изолированные лексически неварьируемые словоформы и словосочетания: выражения приветствия, благодарности, призыва, волеизъявления, оценки, согласия или несогласия и т. п., которые ни при каких условиях не могут служить синтаксическим образцом и поэтому не имеют отношения к учению о предложении и его структуре.

8. В сложном предложении так же, как в диалогическом сцеплении реплик, действуют свои правила не только соединения частей (формантов), но и самой организации этих частей, их внутреннего строения. В конструкции типа *Эту книгу прислал тебе я, а не он; Отец вышел из дому, мать за ним, или Куда ты идешь? — В кино* грамматики обычно констатируют неполноту, эллиптичность второй части. Однако указание на неполноту не может заменить собою строгого объяснения того, по каким собственно грамматическим правилам построены соответствующие конструкции. Существуют такие грамматические схемы формантов сложного предложения, которые, занимая в его составе синтаксическое место простого предложения, в то же время простым предложением не являясь, т. к. они ни при каких условиях не воспроизводятся как самостоятельные единицы сообщения. Формально такие грамматические схемы представляют собою либо структурный компонент простого предложения (его главный член) — самостоятельный (*Это сделал я, а не он*) или в сочетании со словоформой, опирающейся как на стержневое слово на одну из словоформ в первой части сложного построения (*Он показал мне свои книги, я ему свои*), либо собственно зависимый компонент словосочетания, употребленный в коммуникативной функции (*Куда ты идешь? — В кино*). Квалификация таких формантов сложного построения как эллиптированных простых предложений неправомерна, т. к. в системе современного языка они существуют не как усечения, а представляют собою нормально и регулярно функционирующие компоненты общей схемы сложного предложения, или сцепления реплик как сложного единства, представляющего собой элементарную единицу диалога.

9. Форманты сложных построений могут строиться и по определенным структурным схемам. По своему характеру такие зависимые форманты двойственны. С одной стороны, это схемы, по своему внешнему строению совпадающие с простым предложением, но отличающиеся от него по формальным признакам (характеру формоизменения; см. об этом ниже) и позиционным возможностям, а во многих случаях — и по сложившимся нормам лексического наполнения. Так, например, со структурной схемой так наз. номинативного предложения внешне совпадают входящие в состав сложного предложения и — в его составе — разнообразные по функции номинативы, обязательно опирающиеся на непосредственно соседствующую структуру и существующие только как несвободный формант сложного предложения; сравн.: *Он очень болен: сердце.* *Раз он обещал молчать, значит могила.* *Ему хоть враг, хоть друг, лишь бы денежки платил.* *Что ни день, убавляются силы.* Все подобные форманты, внешне совпадая со структурной схемой простого предложения (и там и там ядро построения — номинатив), на самом деле не являются реализацией такой схемы: они представляют собой специфические компоненты сложных соединений и, как таковые, подчиняются правилам построения именно — и только — этих соединений. Об этом свидетельствует, во-первых, отсутствие у них характерной для простого предложения системы форм (см. ниже о парадигме предложения), во-вторых, такая свобода лексического наполнения, которая нехарактерна для организуемой номинативом структурной схемы простого предложения. С другой стороны, есть такие зависимые форманты сложных предложений, которые и внешне не воспроизводят строения простого предложения, а имеют свою собственную, только им присущую структуру. Таковы, например, вводимые местоимением *что* форманты типа: *Что ни есть лучшего, все отдаст;* *Заклинаю всем, что ни есть святого;* не совпадают со схемой простого предложения существующие только в составе сложного предложения конструкции типа *дружба дружбой* и ряд других. Весь комплекс вопросов, связанных с природой зависимых формантов сложного предложения, требует специального изучения в рамках теории сложного предложения.

10. В диалогических сцеплениях зависимые реплики, так же, как и зависимые части сложного предложения, не могут рассматриваться как формулы простого предложения. Объектом синтаксического изучения здесь должны явиться простейшие схемы соединения реплик как элементарные единицы диалога. При изучении синтаксиса диалога нужно отыскивать и определять не формулы, по которым построена зависимая реплика (таких формул, по-видимому, нет, а есть только те или иные — очень широкие — правила организации соответствующего члена сцепления), а схемы, лежащие в основе диалогического единства в целом. Поэтому при изучении сложных построений типа *Куда ты идешь? — В кино; Тебе бы поговорить с ней. — Незачем* и т. п. сама по себе форма второй реплики не может быть самостоятельным объектом изучения; констатация неполноты этой реплики мало чем обогащает наши знания о ее специфической природе. Здесь нужно найти и сформулировать то общезыковое правило, согласно которому строится все диалогическое единство как сложное синтаксическое целое, зависимая часть которого порождается первой и без нее не существует.

11. Прямым и непосредственным объектом теории синтаксиса простого предложения являются абстрактные структуры, для которых первостепенны два признака: а) характер отвлеченного образца, представляющего в речи в самых разнообразных конкретных проявлениях и б) достаточность для независимого функционирования образованных на их основе высказываний, необусловленность их ситуацией или контекстом, а также вхождением в состав другого, более сложного построения. Такие отвлеченные схемы можно называть формулами предложения. Формула предложения и есть структурная схема простого предложения в строго грамматическом смысле этого термина. Термины „формула предложения“ и „структурная схема (или основа) простого предложения“ (а для краткости — просто „простое предложение“) можно употреблять как равнозначные.

12. Формула предложения — принадлежность языковой системы в целом; это общеязыковая категория. Функциональные и стилевые различия, существующие между предложениями стилистически немаркированными и такими, которые тяготеют преимущественно к разговорной или экспрессивно-повествовательной сфере, не могут служить аргументом против того тезиса, что все виды простых предложений следует рассматривать в аспекте единой общеязыковой синтаксической системы, как носители определенных категорий, формулирующих предложение.

13. Выше были названы два обязательных признака простого предложения: во-первых, отвлеченный характер его как продуктивного образца и, во-вторых, способность образованных на его основе конкретных высказываний к независимому функционированию в качестве единиц сообщения. Однако это лишь самые общие признаки простого предложения; они не заключают в себе его грамматической характеристики. Как и всякая грамматическая единица, простое предложение обладает значением и формой. Грамматическое значение простого предложения организуется взаимодействием категорий объективной модальности и синтаксического времени. Категория объективной модальности формируется оппозицией форм со значением реальности/ирреальности; иными словами, она базируется на противопоставлении синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям: сослагательному, условному, долженствовательному, желательному и повелительному. Категория времени выявляется в синтаксическом индикативе в формах трех синтаксических времен: настоящего, прошедшего и будущего; синтаксический индикатив противопоставлен синтаксическим ирреальным наклонениям по значениям временной определенности/неопределенности. Категории синтаксического времени и объективной модальности образуют сложное единство — грамматическую категорию предикативности. Т. о., грамматическим значением простого предложения является предикативность.

14. Синтаксическую категорию объективной модальности как категорию, выражающую характер отнесенности высказываемого к действительности, не следует смешивать с категорией субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к высказываемому. Категория объективной модальности выражается синтаксическими наклонениями, т. е. видоизменениями собственно формулы предложения: это — изменения формы сказуемого или — при односоставности — главного члена, осуществляющиеся средствами глагольных показателей времени и наклонения, а также

собственно синтаксическими частицами (*бы, пусть* и их модификациями). Категория субъективной модальности выражается лексически — так наз. модальными частицами и модальными словами. В ряду форм: *Дождь — Был дождь — Будет дождь — Был бы дождь — Дождь бы (так были бы грибы) — Если бы дожди — Пусть будет дожди!* первые три члена имеют объективно-модальное значение реальности (в плане настоящего, прошедшего и будущего), следующие четыре — объективно-модальное значение ирреальности: сослагательности, условности, желательности и повелительности. В предложении: *Конечно, будет дождь* на объективно-модальное значение реальности в плане будущего средствами лексики (модальное слово) накладывается субъективно-модальное значение уверенности; к строению формулы предложения и его грамматическому значению это, «наложение»¹ не имеет никакого отношения.

15. Синтаксическое время и синтаксическое наклонение как категории, формирующие предикативность, не совпадают со значениями времени и наклонения глагольной формы как категорий морфологических. Разные видоизменения структурной схемы предложения в своем строении лишь используют те или другие морфологические формы глагола для выражения различных синтаксических значений. При синтаксическом анализе мы должны оперировать именно и только синтаксическими значениями глагольной формы уже не как морфологической категории, а как сказуемого или компонента схемы односоставного предложения.

16. Категория предикативности выявляется в системе форм предложения, несущих в себе значения объективной модальности и синтаксического времени. Т. о., та или иная структурная схема предложения существует в языке не в одном каком-то единственном и неизменном виде, а в определенной совокупности регулярных выявлений. Эти выявления представляют собой не что иное как системно обусловленные и взаимозависимые видоизменения формулы, противопоставленные по разным объективно-модальным и временным значениям. Совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений формулы предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени, образуют систему форм или парадигму предложения.¹

17. Разные члены парадигмы обладают, во-первых, разной степенью употребительности, во-вторых, подчиняются разным правилам функционирования. Все формы синтаксического индикатива могут употребляться как в самостоятельной позиции, так и в составе сложного предложения; форма сослагательного наклонения также употребляется в обеих этих позициях, однако независимость ее в свободной позиции относительная: здесь выступают определенные требования контекста: форма условного наклонения употребляется только в составе сложного предложения;

¹ Подробнее о парадигме простого предложения см. в кн. „Русский язык. Грамматические исследования“, М., изд-во „Наука“, 1967. См. также статью Е. А. Седельникова *Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений* (Науч. доклады высшей школы, Филологич. науки, 1961, № 3), где впервые был высказан тезис о том, что предложение имеет систему форм. Не можем однако согласиться с включением в систему парадигматических изменений предложения противопоставлений по категориям лица и числа: эти изменения не относятся к модификациям структурной схемы предложения.

форма должноствовательного наклонения употребляется как, в самостоятельной позиции, так и в составе сложного предложения (*Солдат он и будь солдат; Жена и работай и учись, а ты будешь бездельничать?*); формы желательного и повелительного наклонений регулярно употребляются в самостоятельной позиции. То, что отдельные члены парадигмы простого предложения функционируют только в составе сложного предложения, не означает, что они не относятся к системе форм простого предложения. Следует строго различать форму конструкции и правила (возможности, условия) ее функционирования. Тот факт, что, например, условная форма простого предложения функционирует только в составе сложного (*Работал бы отец, семья бы не бедствовала; Мне бы прежние силы, так я бы горы свернул*), не выводит ее за пределы парадигмы простого предложения. Это подтверждается тем, что форма эта в составе парадигмы регулярно соотносится с соответствующей формой желательности, всегда выступающей в независимой позиции (*Работал бы отец! Мне бы прежние силы!*).

18. Наличие собственной парадигмы, организующейся по своим особым законам, — важнейший признак простого предложения как самостоятельной грамматической единицы, не совпадающей ни со словом, ни со словосочетанием. Наличие парадигмы отличает простое предложение от специальных формантов сложного предложения и зависимых реплик диалога: в то время как для простого предложения наличие системы форм является его характерным признаком³, специальные форманты сложного предложения и вторые реплики диалогического единства, опирающиеся на правила организации сложного предложения или спеления реплик, не имеют парадигм. Если структурные схемы простого предложения существуют как данные, то по отношению к формантам сложного предложения можно говорить о тех или иных возможностях их организации, о правилах построения. Однако сложность вопроса заключается в том, что такие форманты могут приобретать некоторые свойства формулы: они уподобляются ей в том смысле, что, будучи раз образованы, при определенных условиях могут приобретать вид той или иной формы предложения. Например, такие форманты могут приобретать значение желательного наклонения: *Принес бы ты сыну книгу, а дочке бы — куклу!* или: *Счастливец, он уже инженер! Вот бы я!* То же с повелительностью: *Поедешь в город. Чтоб живо!* Существенное отличие таких образований от членов регулярной парадигмы предложения состоит в том, что эти образования не организуются в последовательно выявляющуюся систему форм, а возникают в каждом отдельном случае в силу требований контекста или ситуации.

19. Понятие „формула предложения“ не совпадает с понятием „парадигма предложения“: разные формулы могут изменяться по одной и той же парадигме и, с другой стороны, разные реализации одной формулы могут иметь разные парадигмы. Это объясняется тем, что на выбор парадигм

³ В современном русском языке есть очень небольшое количество структурных схем простого предложения, не имеющих парадигмы. Это — некоторые лексически ограниченные и фразеологизированные схемы, целиком относящиеся к сфере разговорной речи, именные предложения, строящиеся с участием частицы *вам*, и некот. др. Для предложений, не имеющих парадигмы, „система“ их форм сводится к одной единственной форме, реализующей высказывание в плане синтаксического настоящего времени.

влияет, помимо самой структурной схемы предложения, ее системно существующие реализации, а также такие факторы, как наличие или отсутствие детерминанта, в некоторых случаях — семантика слов, формирующих главные члены предложения. Этим объясняется то, что типология структурных схем простого предложения не совпадает с типологией его парадигм.

20. В связи с рассмотрением простого предложения как синтаксической структуры, имеющей систему форм, встает целый ряд вопросов, которые предстоит изучить и решить. 1) Обнаруживает свою условность деление всех простых предложений на грамматически односоставные и двусоставные. Это деление сохраняется лишь для исходных форм предложения (синтакс. индикатив, наст. время). Односоставные именные предложения оказываются односоставными лишь в своей исходной форме; большинство не-исходных форм оказываются уже двусоставными. На первый план выступает т. о. не односоставность/двусоставность предложения, а тип парадигмы, подчиняющейся своим собственным законам организации. 2) В грамматических описаниях конструкции, охарактеризованные здесь как те или иные формы предложений, фигурируют как самостоятельные типы предложений (побудительные, со значением желательности и т. п.). Однако, как видим, все эти конструкции организуются в регулярно являющуюся систему форм, все члены которой определенным образом соотносятся друг с другом. 3) При подходе к предложению как к синтаксической структуре, имеющей систему форм, по-новому должна рассматриваться и решаться вся проблематика, связанная с соотношениями форм сказуемых. Так, оказывается, что при наличии дублирующих друг друга форм (напр., именит. и творит. предикативный, полная и краткая форма прилагательного) выбор часто зависит не от отвлеченных семантических факторов, а предопределяется самой формой предложения: одни формы предпочитают в своем составе одну форму сказуемого, другие — другую; одни допускают свободное варьирование форм сказуемого, другие его исключают и т. п. 4) В каждой форме предложения действуют свои правила словорасположения. Во многих случаях определенный словопорядок является собственно грамматическим фактором и не может быть изменен; иногда тот или иной словопорядок является основным различителем форм. При анализе словопорядка в формах предложения следует строго различать явления строевые и функциональные. 5) Изучение форм предложения и типологии его парадигм позволяет организовать материал на основе его собственно формальных признаков. Следующим этапом может явиться изучение того, какие изменения претерпевают те или иные формы предложения тогда, когда на их грамматическое значение средствами специальных слов, функционального словопорядка и интонации накладываются различные значения субъективно-модального плана. Разные субъективно-модальные значения имеют свои средства выражения. Эти средства определенным образом соотношены с правилами образования тех или иных форм предложения. Предстоит изучить эти соотношения, установить существующие в языке линии перекрещивания объективно-модальных и субъективно-модальных значений и средства выражения этих перекрещиваний.

21. Изложенное понимание системы форм простого предложения не может рассматриваться как применение трансформационного метода к изучению структуры русского предложения. Как это хорошо сформулировал

О. Лешка, средствами трансформации „осуществляется ‚внутриязыковой‘ перевод элементов некоторой части языка на некоторую другую часть языка в целях интерпретации одного знака другим“.³ В настоящих тезисах речь шла не о соотношении разных структурных схем предложения, а о системно выявляющихся правилах видоизменения одной и той же схемы. Сторонники трансформационного метода относят эти изменения — там, где они выявляются средствами глагольного слова или универсально действующим приемом его подстановки на место „глагольного нуля“ — целиком в область морфологии (сравн. „простые линейные парадигмы“ Д. Уорта⁴ или „вариации ядерного предложения“ Прж. Адамца).⁵ Однако при таком подходе полностью снимается проблема синтаксического времени и синтаксического наклонения и тем самым выводятся за пределы синтаксиса те основные категории, которые делают предложение синтаксической единицей совсем иного качества, чем линейно располагающиеся словесные спеления, формирующиеся по законам словосочетательных связей.

ON THE DELIMITATION OF THE SIMPLE SENTENCE AND SIMILAR CONSTRUCTIONS

The foregoing discussion is based upon the thesis that a sentence possesses a set of grammatical categories of its own and, correspondingly, a set of formal features distinguishing it both from a word and a word combination. The structural scheme of a simple sentence is an abstract pattern which, upon being filled with concrete lexical material, acquires the ability to function as a unit of communication independent of its position, context, or situation. Constructions whose very existence is determined situationally or positionally and set expressions in the role of a message do not meet these requirements and are therefore excluded from the domain of the syntactic theory of the simple sentence. Like any other grammatical unit, a simple sentence possesses meaning and form. The grammatical meaning of a simple sentence is expressed in the categories of objective modality (syntactic mood) and syntactic tense; those two categories make up predicativity. The grammatical category of predicativity manifests itself in the system of forms (paradigm) of a simple sentence, each form having a distinct meaning of objective modality and tense. Thus the structural scheme of a sentence is not one unchangeable language unit but a definite combination of regular forms. The presence of a paradigm is one of the most important features distinguishing a simple sentence from some special formants of a complex sentence and dependent utterances (remarks) of dialogue; the latter are built up according to the inner rules of organisation of a complex sentence or according to the rules of concatenation of remarks as elementary units of a dialogue. Another distinctive feature of a simple sentence lies in the fact that its structural scheme exists as a definite grammatical formula, and the list of such formulas for a given synchronic state of the language is finite. On contradistinction to this the formants of complicated structures (complex sentences, structured segments, or units of dialogue) do not typically represent any abstract grammatical schemes; their formal organisation is determined by the rules characterising the grammatically dominant part of the complicated structure in question.

³ О. Лешка, *Место трансформационных отношений в языковой структуре*. Československá rusistika, 1966, № 2, стр. 65.

⁴ D. S. Worth, *The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other slavic languages*. American contributions to the Fifth International Congress of slavists. Sofia, 1963. Mouton & Co. The Hague.

⁵ Прж. Адамец, *К вопросу о синтаксической парадигматике*. Československá rusistika, 1966, № 2.

